

Научная статья
УДК 343.9

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРИРОДЕ КРИМИНАЛИСТИКИ: ОТ «ПОЛИЦЕЙСКОЙ ТЕХНИКИ» ДО «СИНТЕТИЧЕСКОЙ НАУКИ»

**Ирада Джаваншировна ИБРАГИМОВА¹,
Екатерина Дмитриевна КРАСНОВА²**

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия

¹ ibragimovairada250@gmail.ru

² yekaterina.krasnova.01@list.ru

Научный руководитель профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Владимировна ЕЛАГИНА**, yelagina@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция представлений о научной природе криминалистики: от технико-прикладного подхода конца XIX — первой половины XX в. через юридическую концепцию 1950-х гг. и синтетическую теорию Р. С. Белкина к современной юридико-информационной модели. Обосновывается, что дискуссия о принадлежности криминалистики к юридическим или неюридическим наукам имеет не только классификационное, но и практическое значение: от нее зависят критерии научной обоснованности методик, пределы использования цифровых технологий и оценка допустимости доказательств. Авторы отмечают, что цифровизация подчеркивает неюридическую составляющую криминалистического знания, но не отменяет ее правовой целевой направленности. Предлагается модель юридико-информационной синтетики, в которой интеграция естественнонаучных, технических и гуманитарных знаний подчинена правовым целям и процессуальным гарантиям.

Ключевые слова: криминалистика, научная природа, синтетическая наука, юридическая идентичность, цифровая криминалистика, виртуальные следы, искусственный интеллект, допустимость доказательств.

THE EVOLUTION OF CONCEPTS ABOUT THE NATURE OF CRIMINALISTICS: FROM “POLICE TECHNIQUE” TO “SYNTHETIC SCIENCE”

Irada J. IBRAGIMOVA¹, Ekaterina D. KRASNOVA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation

¹ ibragimovairada250@gmail.ru

² yekaterina.krasnova.01@list.ru

Scientific adviser — Professor at the Department of theory and history of criminal procedure and criminology of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, Docent of Science (Law), Full Professor, **E. V. Elagina**, yelagina@bk.ru

Abstract. The article examines the evolution of ideas about the scientific nature of criminology: from the technical and applied approach of the late 19th – first half of the 20th century, through the legal concept of the 1950s and the synthetic theory of R. S. Belkin, to the modern legal-informational model. It is substantiated that the debate about whether criminology belongs to legal or non-legal sciences has not only a classificatory but also a practical significance: the criteria for the scientific validity of methods, the limits of the use of digital technologies, and the assessment of the admissibility of evidence depend on it. The authors note that digitalization highlights the non-legal component of forensic knowledge, but does not negate its legal purpose. A model of legal-informational synthesis is proposed, in which the integration of natural science, technical, and humanities knowledge is subordinated to legal goals and procedural guarantees.

Keywords: criminology, scientific nature, synthetic science, legal identity, digital criminology, virtual traces, artificial intelligence, admissibility of evidence.

Дискуссия о научной природе криминалистики нередко воспринимается как теоретическая роскошь, оторванная от практики раскрытия преступлений. Однако от ответа на вопрос, чем является криминалистика — техникой, правовой наукой или междисциплинарным синтезом, — зависят вполне практические вещи: структура учебной дисциплины, критерии научной обоснованности экспертных методик,

пределы вторжения в права личности, оценка допустимости цифровых доказательств и даже стратегия подготовки следователей.

Современный этап научно-технического прогресса характеризуется множеством процессов интеграции и дифференциации научного знания, расширения и углубления фундаментальных дисциплин. Такие изменения неизбежно приводят к пересмотру устоявшихся взглядов о месте и содержании частных наук в системе научного знания. Одной из таких наук является криминалистика. С момента ее зарождения представления о предмете, методах и научной природе криминалистики неоднократно изменялись, отражая как внутреннюю логику развития самой науки, так и влияние внешних факторов — прогресса техники, изменения правовой системы и усложнения преступной деятельности.

Возникновение криминалистики традиционно связывается с именем австрийского ученого-криминалиста Ганса Густава Адольфа Гросса, который в 1893 г. опубликовал «Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандармской полиции». Ученый писал, что «криминалистика по природе своей начинается лишь там, где уголовное право, также по своей природе, прекращает свою работу» [1, с. 126]. Более того, сама криминалистика, по его мнению, состоит из двух частей: «Учение о проявлениях преступлений» и «Учение о производстве расследований». Таким образом, в научном труде Ганса Гросса впервые усматривалась систематизация деятельности по раскрытию и расследованию любого преступления.

Аналогичного подхода придерживались и иные классики западной криминалистики — Р. А. Рейсс и Э. Локар, видевшие в ней прежде всего «полицейскую технику». В отечественной науке такая позиция также имела сторонников. Г. Ю. Маннс в 1921 г. прямо называл криминалистику прикладной технической дисциплиной, хотя и связанной с уголовно-процессуальной теорией. В. И. Громов характеризовал ее как «научную

технику расследования», а Е. У. Зицер не относил к правовым наукам, считая вспомогательным средством уголовного процесса. Отсюда следует, что криминалистика изначально понималась как прикладная техническая дисциплина, призванная вооружить следователя средствами работы с вещественными доказательствами [2, с. 578]. На раннем этапе такая трактовка сыграла положительную роль: она подчеркивала специфический инструментарий криминалистики, отличный от процессуальных норм, и способствовала ее утверждению как самостоятельной области знания. Однако, по мере развития тактики и методики расследования, становилась очевидной ограниченность чисто технического подхода: он не объяснял познавательную деятельность следователя, организацию расследования, оценку доказательств и принятие решений.

В середине XX века в среде отечественных криминалистов развернулась дискуссия о природе науки и сформировались две основные позиции: в соответствии с одной криминалистика рассматривалась как чисто юридическая наука, в соответствии с другой — признавалась ее двойственная природа — правовая и техническая. Наиболее последовательно двойственность природы криминалистики обосновывал П. И. Тарасов-Родионов, выделявший два направления: раскрытие и расследование преступлений и методы исследования вещественных доказательств, причем второе, по его мнению, базируется на переработанных данных естественных и технических наук.

А. И. Винберг и С. П. Митричев представили иные аргументы, которые сводились к следующему:

предмет и объект криминалистики лежат в правовой сфере;
все ее рекомендации носят правовой характер и основаны на законе;
исторически криминалистика возникла в недрах уголовно-процессуальной науки, а связи с естественными и техническими науками носят локальный характер.

В результате чего, итогом дискуссии 1952–1955 гг. стало почти единодушное признание криминалистики юридической наукой [3, с. 33]. Такая концепция на несколько десятилетий стала господствующей. Однако уже в 1960–1970-х гг. отдельные ученые — А. Р. Шляхов, А. А. Эйсман, В. С. Митричев — отмечали, что в криминалистике существуют разделы, не являющиеся чисто юридическими. Вместе с тем в 1990-х годах ранее активный сторонник юридической природы науки Р. С. Белкин публично пересмотрел свою позицию, выдвинув аргументацию против тезиса об исключительно юридической природе криминалистики:

во-первых, далеко не все закономерности, составляющие предмет криминалистики, имеют правовую природу;

во-вторых, на разработку средств и методов раскрытия преступлений направлены и другие науки — судебная медицина, судебная психиатрия, — которые от этого не перестают быть естественнонаучными. Следовательно, решаемые задачи не могут служить критерием отнесения науки к юридическим;

в-третьих, не все криминалистические рекомендации носят правовой характер. Правовую природу имеет процессуальная процедура следственного действия, но не криминалистические рекомендации по его тактике или технике. Большинство технических средств собирания и исследования доказательств безразлично для закона;

в-четвертых, тезис о локальном характере связей криминалистики с естественными и техническими науками опровергается практикой: криминалистика выступает основным проводником достижений естествознания и техники в судопроизводство. Развитие тактики и методики невозможно без интеграции данных информатики, психологии, теории принятия решений и других областей.

На этом основании Р. С. Белкин сделал вывод, принципиально важный для современного понимания науки: криминалистика имеет

синтетическую природу, поскольку включает данные как правовых, так и естественных и технических наук [4, с. 36].

В настоящий момент стремительное развитие информационных технологий существенно меняет дискуссию о природе криминалистики. Например, нейросетевой анализ в автоматизированных дактилоскопических информационных системах «Папилон-9» позволяет осуществить ввод дактилокарт и следов с последующим хранением их в локальной базе данных, а также составить результаты поисков похожих объектов и принять решение о принадлежности похожих объектов одному человеку.

Акцентируем внимание на том, что виртуальные следы принципиально отличаются от традиционных материальных следов. Они машиночитаемы и могут быть легко скопированы, изменены или уничтожены. Кроме того, они не имеют устойчивой физической формы и существуют лишь в момент считывания, что делает традиционные криминалистические методы фиксации недостаточными [5, с. 172]. Это означает, что процесс исследования будет невозможным без алгоритмов, программных средств и специальных познаний в области информационных технологий. Таким образом, использование искусственного интеллекта (далее – ИИ) для анализа больших данных открывает новые возможности, но одновременно порождает вопросы о верифицируемости и допустимости таких методов.

Проблема «черного ящика» алгоритмов в современных условиях становится одной из центральных для криминалистики XXI века. К примеру, если эксперт не может объяснить, как ИИ пришел к выводу, может ли такой вывод считаться доказательством? Можно ли сказать, что вывод сделан случайно, а не из-за скрытой закономерности в данных? И если алгоритм ошибся, кто виноват — разработчик (за дефект модели), оператор (за ненадлежащее использование) или следователь, принявший

вывод за истину? На данный момент никто не может дать ответы на поставленные вопросы.

В. А. Мещеряков отмечает, что цифровая трансформация преступности объективно превращает криминалистику в науку, ядром которой становятся информационно-когнитивные технологии, а правовая оболочка обеспечивает допустимость их применения [6, с. 239]. В этой формуле точно отражен современный парадокс: содержательное ядро криминалистики все больше формируется неюридическими знаниями, тогда как ее легитимность в судопроизводстве по-прежнему зависит от правовых критериев. Отсюда — кризис правовой идентичности. Если правовая природа криминалистики сводится только к «оболочке допустимости», возникает риск, что управление станет слишком «техническим»: методы начнут диктовать цели, эффективность вытеснит процессуальные гарантии, а права человека станут внешним ограничением, а не внутренним смыслом. Обратная опасность — юридический догматизм, при котором право игнорирует реальные возможности цифровых технологий и не создает правильных механизмов их использования.

В заключение, позволим себе сделать вывод о том, что цифровые технологии не только упрощают процесс расследования уже совершенных преступлений, но и помогают прогнозировать, предотвращать и выявлять их на ранних стадиях. В связи с этим, требуется переосмысление предмета криминалистики: от изучения последствий к изучению закономерностей возникновения криминогенных информационных процессов.

Список источников

1. Смахтин Е.В. Некоторые аспекты развития научных взглядов на природу криминалистики // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327. С. 126 – 128.

2. Гросс, Ганс. Руководство для судебных следователей как система криминалистики : Пер. с нем. / Д-р Ганс Гросс, б. австрийский следств. судья, ныне проф. Праж. ун-та; С 4-го доп. изд. пер. Л. Дудкин и Б. Зиллер. Санкт-Петербург : Н. К. Мартынов, 1908. с. 1040.

3. Светличный А. А. Метод моделирования как основа построения криминалистической терминосистемы // Российский юридический журнал. 2022. № 2. С. 31 – 38.

4. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. Москва : Норма, 2001. с. 237.

5. Жужлов И.С. Цифровые следы: понятие, роль и значение в современной криминалистике // Юридические исследования. 2026. № 2. С. 167-183.

6. Мещеряков В.А. Цифровая криминалистика // Библиотека криминалиста. 2014. № 4 (15). С. 231-241.

Информация об авторах

И.Д. ИБРАГИМОВА — студент 4 курса.

Е.Д. КРАСНОВА — студент 4 курса.

Information about authors

I.J. IBRAGIMOVA — 4st year student.

E.D. KRASNOVA — 4st year student.

